

«Доказуемость» и «проверяемость» судебно-психиатрических экспертных оценок

Шишков С.Н.

к.юр.н., главный научный сотрудник научно-организационного отдела

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России
119911, Москва, Кропоткинский пер., д. 23

Адрес для корреспонденции: Шишков Сергей Николаевич; e-mail: shishkov50@mail.ru

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила: 03.03.2017.

Статья представляет собой отклик на публикацию А.А. Ткаченко «Предмет судебно-психиатрической экспертизы и трансляционная медицина» [Психическое здоровье 2016; (11): 3-14]. Содержит уточнения и пояснения по проблеме «доказуемости» и «проверяемости» некоторых судебно-психиатрических экспертных оценок, прежде всего, оценок психических расстройств, исключающих вменяемость.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, юридически значимые психические расстройства, верификация судебно-психиатрических выводов, психика, физиологическая основа психической деятельности.

В журнале «Психическое здоровье» за прошлый год была опубликована статья профессора А.А. Ткаченко [1]. Глубокий научный анализ ее содержания мне как юристу, к сожалению, недоступен. Я профессионально не изучал психиатрию, психологию и нейронауки, и любая моя попытка серьезного обсуждения вопросов, относящихся к предмету перечисленных отраслей знания, выглядела бы авантюрой и самонадеянной. Тем не менее, на статью я все же решил откликнуться. К этому меня побудила ссылка автора на мою книгу, в которой я выразил мнение, что многие судебно-психиатрические экспертные оценки самодостаточны и не проверяемы [2]. Поскольку А.А. Ткаченко счел это мнение чересчур категоричным, мне кажется целесообразным кое-что уточнить и пояснить.

Моя профессиональная некомпетентность в естественно-научных вопросах порождает закономерный вопрос: вправе ли я вообще вести разговор на заявленную тему? В пользу положительного ответа видится, по меньшей мере, один веский довод. Судебно-экспертная проблематика, какой бы области знаний она ни касалась, в своих значимых для судебного доказывания аспектах должна быть понятной не только самому эксперту, но также следователю, прокурору, судье, другим участникам судопроизводства. Поэтому в любой судебно-экспертной науке должен присутствовать пласт «общедоступных» знаний, посильных для понимания непрофессионала, который по юридически значимым экспертным проблемам имеет равное с профессионалами право на собственное суждение. Иначе участники судопроиз-

водства окажутся не в состоянии ни понять, ни оценить экспертное заключение и не смогут использовать его в качестве доказательства.

Высказывания дилетанта по форме и содержанию несколько отличаются от суждений специалиста. Поэтому мои последующие размышления там, где они касаются «не моих» профессиональных вопросов, видимо, будут выглядеть не совсем обычно. В них будет много свободных допущений, гипотетических высказываний и примеров, ссылок на источники информации, коими в научных статьях пользоваться не очень-то принято. Но я считаю все это оправданным, ибо в подобных дискуссиях на передний план выдвигается проблема взаимопонимания. Первейшая цель вступающих в диалог профессионалов и непрофессионалов — правильно друг друга понять. Ради ее достижения позволительно отказаться от соблюдения некоторых освященных научной традицией стандартов и схем.

После этого краткого предисловия я изложу три основных тезиса.

1. Законодательная формула юридического критерия невменяемости (равно как и любого юридически релевантного психического расстройства, в основу выделения которого положена глубина болезненных нарушений психики) не может выполнять функцию «измерительного прибора», непосредственно определяющего эту глубину. Для подтверждения сказанного достаточно одного показательного примера из судебной практики. Я не раз ссылался на него в своих публикациях.

По делу об изнасиловании эксперты-психиатры пришли к выводу, что страдающий шизофренией обвиняемый в момент совершения инкриминируемого ему деяния «не мог отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими». В судебном заседании потерпевшая выразила несогласие с экспертным заключением. По ее показаниям, насильник с целью сломить ее сопротивление начал ее душить, но, заметив, что она задыхается, ослабил хватку. Услышав чьи-то приближающиеся шаги, он отпустил ее и поспешил скрыться. Пострадавшая пришла к выводу, что преступник понимал, что делал, действовал адекватно складывавшейся обстановке и, следовательно, не подпадал под критерии невменяемости статьи 11 УК РФ. Пояснения вызванного в суд эксперта свелись к тому, что шизофрения практически всегда исключает вменяемость.

Из сказанного следует, что законодательная формула юридического критерия невменяемости имеет несколько способов толкования. Потерпевшая истолковала ее в духе «абсолютного неразумения» (полнейшей неосмысленности поведения и неспособности совершать даже простейшие скоординированные действия). Эксперт придерживался иной позиции.

На первый взгляд, способ толкования, избранный экспертом, нужно признать правильным, а мнение потерпевшей ошибочным, ибо эксперту, обладающему психиатрическими знаниями, следует отдать предпочтение перед несведущим в психиатрии лицом. Однако законодательный текст рассчитан в равной степени на всех участников уголовного процесса. Суждения потерпевшей в семантическом и логическом отношении ничем не уступали трактовке эксперта, а официального канона толкования юридического критерия невменяемости в тексте УК никогда не было. К тому же эксперт вообще не пояснил, каким канонам он руководствуется, ограничившись «привязкой» судебно-психиатрической оценки к медицинскому диагнозу, что следует признать грубой ошибкой. Мнение потерпевшей он не опроверг. Но мог ли он его опровергнуть?

Содержащийся в УК юридический критерий невменяемости в принципе не может рассматриваться как своего рода измерительный прибор для определения юридически релевантной глубины поражения психики. Измерительный прибор есть нечто, чем каждый может воспользоваться самостоятельно, как, например, градуированной ученической линейкой. Измерения ею одного объекта разными людьми даёт одинаковый результат. Но если способ измерения потенциально многовариантен и эта вариативность не устранена (оставляя возможность каждому пользоваться собственной «градуировкой»), то сама

измерительная операция становится невозможной либо допускающей разные результаты.

Поэтому, на мой взгляд, до тех пор, пока вариативность толкования юридического критерия не устранена и не введен единый общеобязательный канон его толкования, задача обоснования экспертом глубины (степени) психического расстройства по меркам этого критерия методологически неразрешима. Задавая эксперту вопрос об обосновании своего вывода, суд имплицитно исходил из того, что некий единый канон толкования существует, хотя в действительности его нет.

2. Судебно-психиатрическим экспертным квалификациям подлежит психическое состояние человека. Оно не поддается непосредственному восприятию или, выражаясь традиционным философским языком, «не дано нам в ощущениях». Психику приходится исследовать через ее проявления — мимику, речь, поступки, манеру держаться и подобные им поведенческие феномены, выявляемые экспертом путем прямого наблюдения или косвенно — через свидетельства других лиц. Наряду с самоотчетом испытуемого, сюда же могут быть причислены другие источники, если они имеются. Например, данные, полученные с помощью лабораторно-инструментальных методов обследования подвергаемого экспертизе лица. Вся эта разнородная информация имеет строго целевое назначение, «стягиваясь» в одном пункте — экспертном поиске юридически значимого психического расстройства.

Отсутствие «явленности в ощущениях» предмета исследования отличает судебно-психиатрическую экспертизу от многих других судебных экспертиз и лишает ее результаты немаловажного для восприятия качества — визуальной наглядности. Например, фотографии сравниваемых в ходе дактилоскопической экспертизы пальцевых отпечатков можно продемонстрировать всем участникам процесса, дабы они воочию увидели и могли сами сосчитать количество совпадений папиллярных узоров. Используемые в судебно-медицинской экспертизе рентгеновские снимки наглядно для всех субъектов судебного доказывания демонстрируют переломы костей и некоторые иные виды патологии.

В 80-е годы прошлого века заместитель директора НИИ судебной медицины И.Е. Панов в одной из бесед со мной сетовал, что действовавшие в ту пору методические указания требовали от судебно-медицинского эксперта максимально полно описывать экспертные исследования и их результаты в словесной форме. В качестве примера иного, куда более эффективного, по его мнению, подхода он привел судебную медицину Японии, где содержание многих экспертных заключений составляют цветные фотографии и

лаконичные комментарии к ним. Так, на фотографии, сделанной по результатам вскрытия тела человека, умершего от тромбоэмболии, отчетливо видны закупоривший сосуд тромб, омертвевшая от недостатка кровоснабжения ткань и иные видимые элементы механизма болезненного процесса. Краткие пояснения позволяют понять картину происшедшего даже человеку, не сведущему в медицине. Подробное словесное описание было бы здесь излишним и не добавило бы информативности тому, что уже есть.

В судебной психиатрии подобные проблемы отсутствуют, ибо расстройства мышления, памяти, внимания и иные болезненные нарушения психической деятельности, с которыми приходится иметь дело психиатру-эксперту, не поддаются непосредственному наблюдению (прямому «узрению»). Психиатр имеет дело с «невидимками». Наблюдаемым может быть лишь материальный субстрат психической деятельности, расположенный в структурах головного мозга и выступающий в роли физиологической («материально-биологической») основы психической деятельности. Некоторые физиологические проявления работающего мозга можно выявить с помощью лабораторно-инструментальных методов, результаты которых доступны для восприятия. Они предстают в виде разного рода изображений — фотоснимков, графиков, трехмерных изображений, анимационных картинок и проч.

Преимущество данных, полученных лабораторно-инструментальным путем, видится многим в том, что прибор отображает исследуемый объект «таким, каков он есть на самом деле», ничего к нему не прибавляя и ничего не утрачивая. Причем результат оказывается наглядным и общедоступным. Разумеется, в приведенных рассуждениях кроется множество неочевидных допущений, которые рискуют не оправдаться. Но если они оправдаются, то на следующем этапе возникает гораздо более важная познавательная задача — совершить переход от реальности, уловленной прибором на уровне физиологических проявлений работы головного мозга (как «вместилища» психической жизни человека), к сфере собственно психического.

Если далее допустить, что полученные лабораторно-инструментальным путем данные о физиологической основе психической деятельности по каким-то параметрам строго однозначно (изоморфно) соотносятся с самой этой деятельностью, то приборы, точно показывающие «всё, как есть на самом деле» в исследуемом объекте, позволят отразить и зафиксировать реальное состояние и «материально-биологического», и «идеально-психического». Например, определенные цвета и конфигурации на полученной «картинке» однозначно свидетельствуют об определенных психи-

ческих нарушениях, и чем большая площадь «картинки» ими занята, тем диагностированные нарушения тяжелее. В итоге психопатологические процессы можно будет не просто «узреть» и продемонстрировать, но даже «измерить» на полученном изображении, что позволит количественно оценить юридически релевантную глубину (степень) поражения психики. А участники судопроизводства получат, наконец, надежный и общедоступный «измерительный прибор» с единой «градуировкой».

Реализуемо ли нечто подобное практически? В этом я далеко не уверен. Ясно одно: на пути реализации лежат громадные трудности, и некоторые из них могут оказаться непреодолимыми. Может выясниться, что однозначно адекватного соотношения между психикой и ее материально-биологическим базисом просто не существует. Или оно существует, но сверхсложность итоговой картины исключает наглядность ее восприятия. Поэтому я не утверждаю, что именно эта задача («объективного», «истинного», «точного» познания психики через лабораторно-инструментальное исследование ее материально-биологической основы) неразрешима принципиально, недоказуема «ни эмпирически, ни логически». По данному аспекту проблемы я бы выразился более осторожно: поставленная задача невероятно сложна, но заранее объявлять ее неразрешимой не стоит. Тем более, что попытки найти ее решение в любом случае продолжатся.

За рубежом методы нейровизуализации, (функциональная магнитно-резонансная томография, позитронно-эмиссионная томография и ряд других) уже используются в уголовном процессе. Пока лишь в качестве вспомогательного средства для диагностики и экспертной оценки юридически значимых психических расстройств. Однако со временем сфера применения этих методов может быть расширена [3].

3. Мой тезис относительно принципиальной неразрешимости и недоказуемости ряда судебно-психиатрических вопросов относится к несколько иному аспекту рассматриваемой проблематики. Далее я позволю себе почти дословно привести фрагмент из монографии, на которую ссылается в своей статье профессор А.А. Ткаченко, и где я излагаю схему или модель, условно названную мной «осевой моделью».

Данная модель является простейшим графическим эквивалентом той общеметодологической основы, на базе которой осуществляются судебно-психиатрические экспертные оценки психического состояния обвиняемого, во вменяемости которого возникли сомнения. Она отражает череду состояний психики в виде плавного перехода от психического здоровья к болезненному психическому расстройству — через зону «пограничных» между нормой и патологией со-

стояний к постепенному усилению глубины поражения болезнью психических функций. Наглядно данный процесс можно представить в виде оси-полосы, начинающейся с белого цвета и через постепенное нарастание серых полутонов переходящей в черный цвет. Еще один элемент модели — поперечная линия, рассекающая «ось» на фрагменты. Сечение производится по юридически значимому признаку. Например, один фрагмент охватывает состояния способности осознавать и регулировать свое поведение («зона вменяемости»), другой — полной ее утраты («зона невменяемости»).

Фрагменты «оси», расположенные по ее краям («белый» и «черный»), как правило, не вызывают вопросов, поскольку опираются на категорию очевидного. Так, очевидно, что субъект, не обнаруживающий каких-либо признаков психического расстройства, вменяем (белый фрагмент «оси»). Не менее очевидно, что лицо с очень глубокими психическими расстройствами невменяемо. Например, больной, лишенный способности к членораздельной речи и простейшим навыкам самообслуживания (черный фрагмент «оси»).

Трудности появляются в зоне «серых полутонов», и, прежде всего, для них актуален вопрос: какой должна быть глубина (тяжесть) поражения психики, чтобы, начиная с нее (и именно с нее!), больных уже можно было бы считать неспособными к осознанной регуляции своих поступков? С какой «точки» на «осевой модели» «начинается» психопатология, несовместимая с вменяемостью?

«Осевую модель» можно квантифицировать и оцифровать, разделив «ось» на мини-фрагменты, обозначенные цифровым рядом. К примеру, от фрагмента под цифрой 0 (соответствующего самому белому) до фрагмента, обозначенного цифрой 20 (как эквивалента абсолютно черного). Но и здесь мы сталкиваемся с неразрешимостью поставленного вопроса, хотя и в иной его редакции: какой цифре соответствует начальная степень неспособности к пониманию и руководству своим поведением — цифре 10, 12 или 14 и, главное, почему именно ей, а не предыдущей и не последующей?

Ясно, что совершенствование диагностических средств, уточнение психопатологических параметров, дробление «оси» на более мелкие фрагменты и прочие исследовательские манипуляции не позволяют дать обоснованный ответ на поставленный вопрос, который, как уже говорилось, неразрешим ни логически, ни эмпирически, ибо любое из возможных решений принципиально недоказуемо и не проверяемо [2].

Таким образом, «осевая модель», несмотря на всю ее простоту и наглядность, не позволяет достичь искомого результата. На «оси» нельзя отыскать «точ-

ку», где «начинается» невменяемость, аргументированно объяснив при этом, почему именно здесь происходит водораздел между «зоной вменяемости» и «зоной невменяемости». Естественно-научный способ решения поставленной задачи оказывается непригодным, поскольку интересующий нас ответ невозможно почерпнуть непосредственно из объективных свойств исследуемого фрагмента реальности.

Суть проблемы вменяемости-невменяемости в интересующем нас аспекте заключена в вопросе: какой должна быть мера требовательности уголовного закона к психике человека (с точки зрения возможности возложения на него уголовной ответственности) и кто установит данную меру требовательности, законодательно сформулировав ее для последующего практического применения? Формулировать критерии невменяемости в законе призван субъект, которого обобщенно именуют «законодателем», но которому такая задача явно не по плечу. В скупых словах законодательного текста невозможно выразить четкие критерии юридически релевантной глубины поражения психики. Четкие настолько, чтобы, руководствуясь ими и глядя на «осевую модель», можно было уверенно констатировать: искомая глубина юридически релевантного психического расстройства «начинается» отсюда, вот из этой «точки».

Однако судебные психиатры, которые выявляют указанную глубину в ходе своих экспертных исследований, тоже не справятся с подобной задачей. Да и можно ли определение меры требовательности уголовного закона к психике человека поручать психиатрам? Это не медицинская проблема. Когда судебный психиатр утверждает: при данном психическом расстройстве наблюдаются такие-то нарушения мышления, которые, однако, не столь глубоки, чтобы лишить больного способности отдавать себе отчет в своих действиях, многое в приведенном утверждении остается неясным. На чем базируется оценка «не столь глубоки»? И «сколь глубокими» надлежит быть болезненным нарушениям мышления, дабы их можно было считать «извинительным» обстоятельством, освобождающим больного от уголовной ответственности? Далее я позволю себе еще одно самоцитирование.

«Единственно возможный выход из существующего методологического тупика — конвенциональный подход — опора на условные договоренности («конвенции») между специалистами. На наш взгляд, именно он реально лежит в основе судебно-экспертных оценок тех психопатологических состояний, что находятся за пределами действия принципа «очевидности». И когда со ссылкой на достижения судебно-психиатрической науки утверждается, что больной параноидной формой шизофрении без глубокого психического дефекта невменяем, то

в основе данного утверждения лежит скорее не верифицированная адекватность современного научного знания исследуемому предмету («подобное утверждается, ибо утверждаемое соответствует действительности»), а нечто другое. Вероятнее всего, экспертная оценка будет носить конвенциональный характер («подобное утверждается, ибо судебные психиатры просто условились утверждать так, а не иначе»). Приводимые же судебными экспертами клинические и патопсихологические аргументы относительно правильности подобного рода экспертных оценок следует признать квазидоказательством. Естественно-научный по своей форме тип аргументации придает судебно-психиатрическому обоснованию «вывода о невменяемости» некоторую научную респектабельность, которая на поверку оказывается чисто внешней, не прибавляющей квазидоказательству никакой вескости. Внешняя атрибутика, имитируя естественно-научные процедуры обоснования и проверки, позволяет им солидно и убедительно выглядеть, но отнюдь не доказывать» [2].

Именно на эти мои суждения ссылается в своей статье А.А. Ткаченко, порицая их чрезмерную категоричность, и, осмелюсь предположить, их мрачный пессимизм относительно возможностей естественно-научного знания. Думаю, однако, что пессимизм здесь уместен и имеет под собой почву. Договоренность по поводу критериев невменяемости должна содержать в себе ясный ответ на вопрос: каким способом договаривающиеся стороны определили меру требовательности уголовного закона к психике человека, этот закон преступающего? Мне непонятно, как такую задачу можно решить естественно-научным путем. Но каким-то образом она все же решается. Чтобы уяснить, как это делается, я полагаю полезным проанализировать две парадигмы, в рамках которых осуществляется толкование критериев невменяемости.

Первую можно назвать концепцией «абсолютного неразумения». Наиболее последовательное юридическое воплощение она получила в решении английского судьи Трейси по делу Эдварда Арнольда, принятом в 1725 году. Трейси предложил так называемый «критерий дикого зверя» («wild beast test»), согласно которому, настолько умалишенным, чтобы не отвечать за содеянное, можно признать лишь того, кто «полностью лишен рассудка и памяти и не способен сознавать, что он делает, подобно младенцу, скотине или дикому зверю». Полное отсутствие рассудка и памяти встречается редко. Нечто подобное можно наблюдать при спутанности сознания, его помрачении, временном «выключении» и т.п. Однако в подавляющем большинстве случаев в поступках душевнобольных сохраняется некая последовательность, целеполагание и элемен-

тарная упорядоченность, что не соответствует критериям «wild beast test».

Не отвечал этим критериям и Эдвард Арнольд, покушавшийся на жизнь лорда Онслоу. Для достижения своего преступного умысла он купил порох, зарядил им мушкет, выследил намеченную жертву, занял позицию, удобную для стрельбы, прицельно выстрелил. Следовательно, полагал судья, обвиняемый понимал, какие действия и в какой последовательности ему надобно совершить, чтобы достичь намеченной цели. Если бы он был лишен способности к пониманию своих поступков, то он попросту не смог бы реализовать то, что замыслил. Постоянно наблюдавшиеся у Арнольда тяжелые психические расстройства с бредом, галлюцинациями, серьезными поведенческими отклонениями, судью не интересовали. Такого рода явления он не считал относящимися к вменению и уголовной ответственности.

Таким образом, применительно к умышленным преступлениям сформулированный Трейси критерий можно было бы назвать принципом «самодостаточности криминального акта»: для признания человека вменяемым в умышленном преступлении достаточно того, что он физически сумел его совершить. При невменяемости реализация преступного умысла невозможна, ибо невменяемый неспособен на последовательные целенаправленные действия. Трейси предложил прагматичные и вполне постижимые на уровне обыденного здравого смысла поведенческие признаки, для уяснения которых помощь психиатра не требовалась.

Вторая парадигма невменяемости опирается на ключевое понятие «психотический уровень болезненных психических нарушений». Считается, что этот уровень поражения психики наиболее глубок и качественно отличен от непсихотических расстройств. Категория качества в данном контексте позволяет связать между собой юридически релевантные свойства психических расстройств с их клиническими характеристиками. «Психотический уровень» свидетельствует о неспособности психически больного к осознанному регулированию своего поведения в степени, несовместимой с вменяемостью.

Такой подход к решению проблемы вменяемости-невменяемости невозможно обосновать, если ограничиться естественно-научным изучением объективных свойств исследуемого предмета (психической деятельности человека и ее патологии). Решение оказывается достижимым только после предварительной «концептуальной обработки» данной предметной области.

Сначала выдвигается концепция «психических расстройств психотического уровня», качественно отличающихся от прочих (непсихотических) расстройств. За-

тем «расстройствам психотического уровня» придается юридически релевантное свойство, состоящее в том, что они дизрегулируют поведение больного в степени, исключающей вменяемость. В итоге юридически значимая неспособность нарушителя уголовно-правового запрета к осознанно-волевой регуляции своего поведения признается обусловленной тем качеством психической патологии, которое присуще именно психотическим расстройствам. Для их выявления и оценки психиатрические знания становятся уже необходимыми, а судебно-психиатрическая экспертиза — обязательной.

Описанный подход выполняет в судебной психиатрии роль общеметодологического принципа, но не безотказного «измерительного прибора» для каждого экспертного случая. Куда, к примеру, нужно отнести неглубокий шизофренический дефект с относительной сохранностью личности больного — к расстройствам, исключающим вменяемость или не исключающим ее? Это расстройство уже психотического уровня или еще нет? Видимо, сознавая отмеченные затруднения, судебные психиатры нередко ведут речь о том, что обуславливающие невменяемость психические расстройства «примерно соответствуют» патологии психотического уровня.

К сожалению, объем журнальной статьи не позволяет рассмотреть затронутые в ней вопросы более подробно. В заключение я постараюсь предельно кратко сформулировать ряд тезисов, которые могут представлять интерес для тех, кто занимается проблемами невменяемости.

1. Поскольку многие судебно-психиатрические экспертные оценки конвенциональны (базируются на условных договоренностях), то должна иметься и сама «конвенция», закрепляющая эти договоренности. Это может быть документ, схожий с судебно-медицинскими правилами определения тяжести вреда здоровью или иной документ, где помимо кратких законодательных критериев психических расстройств сохранились бы куда более подробные и конкретизированные судебно-экспертные критерии. В «документе-конвенции» можно было бы отразить также общеметодологический принцип, положенный в основу экспертных оценок. Например, уже упоминавшийся принцип «психических расстройств психотического уровня». Такой документ должен быть обязательным (в научно-методическом отношении) для всех экспертов нашей страны.

Без соблюдения данного условия невозможно добиться единства экспертных оценок и оспорить мнение приверженцев иных воззрений.

2. Отсутствие в советский период «научно-методических конкурентов», способных выступить в роли процессуальных оппонентов в суде, сглаживало остро-

ту проблемы. Методологический монизм поддерживался в СССР авторитарно-властными методами. Не отвечающие ему воззрения могли быть объявлены ошибочными и идеологически вредными. Утрата методологического монизма создала принципиально новую ситуацию. Недавнее появление у сотрудников государственных судебно-психиатрических учреждений конкурентов из Центра лечебной педагогики по вопросам, связанным с экспертизой по делам о недееспособности и ограниченной дееспособности, продемонстрировало методологическую незащищенность и крайнюю уязвимость современной российской судебной психиатрии перед лицом агрессивного профессионального инакомыслия.

3) Конвенциональный характер многих судебно-психиатрических оценок можно проиллюстрировать их различиями в разных странах. При одинаковых психопатологических состояниях их судебно-экспертные оценки зарубежными и отечественными судебными психиатрами могут в ряде случаев заметно не совпадать. Российские эксперты не признают принципа «парциальной вменяемости», которого придерживаются их английские коллеги, в некоторых штатах США вменяемым могут признать психически больного с продуктивной психопатологической симптоматикой и пр.

В СССР подобные расхождения объяснялись тем, что советская наука базируется на единственно верных марксистских позициях, в то время как их зарубежные оппоненты под влиянием ложных постулатов буржуазной науки заблуждаются и совершают ошибки. Однако методологические расхождения сами по себе еще не свидетельствуют о заблуждении. Правовое освоение психических расстройств может осуществляться разными способами. Если результат позитивен, то приемлемы и способы, которыми его удалось достичь, несмотря на их возможные отличия друг от друга.

В большинстве судебных экспертиз применяются универсальные критерии для оценок и выводов (например, выводов относительно причин смерти человека, причин возгорания помещения и т.п.). Эти экспертизы «интернациональны». Английский судья в принципе может воспользоваться заключением российских экспертов по вопросам такого рода. В судебной психиатрии ситуация иная, и российский судебный психиатр не сможет провести экспертизу обвиняемого для английского суда. Критерии невменяемости статьи 21 Уголовного Кодекса Российской Федерации на территории Великобритании не действуют, а для пользования Правилами Мак-Натена наш отечественный эксперт не имеет необходимой профессиональной подготовки.

Список литературы

References

1. Ткаченко А.А. Предмет судебно-психиатрической экспертизы и трансляционная медицина. *Психическое здоровье* 2016; 11: 3-14.
2. Шишков С.Н. Невменяемость (мировоззренческие, эмпирические, социальные предпосылки и становление в качестве правовой категории). М., 2010. 380 с.
3. Полубинская С.В., Шишков С.Н. Зарубежный опыт использования данных нейронауки при решении уголовно-правовых вопросов. *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно-практической конференции (28-29 января 2016 г.)*. М., 2016. С. 537-540.

1. Tkachenko A.A. Predmet sudebno-psihiatricheskoj jekspertizy i transljacionnaja medicina [The subject of forensic psychiatric examination and translational medicine]. *Psihicheskoe zdorov'e [Mental health]* 2016; 11: 3-14. (In Russ.).
2. Shishkov S.N. Nevmenjaemost' (mirovozzrencheskie, jempiricheskie, social'nye predposylki i stanovlenie v kachestve pravovoj kategorii) [Insanity (ideological, empirical, social background and emergence as a legal category)]. Moscow, 2010. 380 s. (In Russ.).
3. Polubinskaja S.V., Shishkov S.N. Zarubezhnyj opyt ispol'zovanija dannyh nejronauki pri reshenii ugolovno-pravovyh voprosov. [Foreign experience of neuroscience data use in solving criminal matters.] *Ugolovnoe pravo: strategija razvitiya v XXI veke: materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (28-29 janvarja 2016 g.) [Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: Proceedings of XIII International scientific conference (28-29 January 2016)]*. Moscow, 2016. P. 537-540. (In Russ.).

«PROVABILITY» AND «VERIFIABLE» OF FORENSIC PSYCHIATRIC EVALUATIONS

Shishkov S.N.

PhD (law) Chief research associate
Federal Medical Research Center of Psychiatry and Narcology n.a. V.P. Serbsky
Moscow, Russia

For correspondence: *Shishkov Sergey*; e-mail: shishkov50@mail.ru

Conflict of interest. The author declare no conflict of interest.

Funding. The study had no sponsorship.

Received: 03.03.2017.

The article is a response to the publication of A.A. Tkachenko «The subject of fo-rensic psychiatric examinations and translational medicine» (*Mental Health* 2016; (11): 3-14). It contains explanations and clarification on the issue of «provable» and «verifiability» of some forensic expert evaluations, especially evaluations of mental disorders, excluding sanity.

Keywords: forensic psychiatric examination, legally significant mental disorders, verification of forensic findings, the psyche, the physiological basis of mental activity.